

Б. Н. Ковалев

**Убийцы об убийцах:
показания бывших карателей
против своих сослуживцев
(на примере дела Г. М. Гуревича-Гурвича)**

Генерал-майор КГБ, почетный сотрудник органов государственной безопасности Василий Богов занимался розыском военных преступников более сорока лет. Очень многих из них, совершивших свои кровавые деяния в годы Великой Отечественной войны, ему удалось привлечь к уголовной ответственности. Все из них понесли свою справедливую кару. Однако во время общения с автором данной статьи он неоднократно говорил о том, что применение смертной казни по отношению к данным лицам считает неправильным. Речь в данном случае не шла о некоем абстрактном гуманизме. Чекист переживал из-за ликвидации потенциальных свидетелей, которые могли бы помочь в выявлении других преступников.

В 1947 г. был издан Указ Президиума ВС СССР от 26.05.1947 «Об отмене смертной казни», которым это наказание было признано не применяющимся в мирное время. Однако в январе 1950 г. издается Указ Президиума ВС СССР от 12.01.1950 «О применении смертной казни к изменникам Родины, шпионам, подрывникам-диверсантам». Он восстанавливал применение смертной казни к лицам, которых обвиняли по этим статьям. Таким образом, военные преступники, осужденные в этот период, в качестве максимального наказания могли получить 25 лет лишения свободы.

Кровавый след на ленинградской земле оставили каратели-коллаборационисты из 667-го батальона «Шелонь». Советские органы государственной безопасности занимались розыском военных преступников вплоть до 1991 г. К сожалению, очень многие из них смогли после окончания Великой Отечественной войны легализоваться на Западе: в США, Великобритании, Австралии, Канаде и ФРГ. Это можно объяснить тем, что в конце 1943 г. это подразделение было передислоцировано в Данию для охраны побережья от предполагаемой высадки англо-американских союзников СССР. Затем их передислоцировали на юг Германии, где все они вошли в личный состав «Русской освободительной армии» (РОА) под командованием генерала-коллаборациониста Андрея Власова. Но некоторые бывшие каратели, вернувшиеся на территорию СССР, были привлечены к уголовной ответственности.

В сентябре 1955 г. вышел указ «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов». На лиц, осужденных за расправы над советскими гражданами, амнистия не распространялась. Однако практически все каратели из «Шелони», отбывавшие тогда наказание в СССР, вышли на свободу. Срок их заключения варьировался от 10 до 25 лет. Все они признали факт «измены родине». Однако все они категорически отрицали факт своего участия в карательных операциях против мирного населения и партизан. Зачастую следователи и не стремились это установить. Им было вполне достаточно признания факта службы у гитлеровцев.

13 марта 1954 г. был образован Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР. В органах госбезопасности постепенно возрождались лучшие традиции разведки и контрразведки. Сотрудники КГБ извлекли из архивов дела о преступлениях нацистских захватчиков и их пособников и повели целенаправленный и активный розыск. Были выявлены наиболее зловещие фигуры, вместившие в себя всю мерзость предательства, жестокие насильники и убийцы, в том числе из батальона «Шелонь»¹. Каждый из них совершал тяжкие преступления. Однако самой отвратительной фигурой среди потерявших человеческий облик предателей являлся Григорий Гурвич. Сослуживцы боялись и презирали его. Каратель Меркулов назвал Гурвича палачом. Другой его сослуживец по карательному батальону Тимофеев свидетельствовал: «Особенно свирепствовали Гуревич Григорий, Иванов Николай, Проклиенко. Это были жестокие, кровожадные люди. Расстрелять человека им ничего не стоило»².

В числе самых первых добровольцев Гурвич поступил на службу в карательное подразделение. Большинство служивших в «Шелони» потом уверяли советских следователей, что они оказались там под угрозой смерти от голода и жестоких издевательств в лагерях военнопленных.

Но в Гурвиче сидел не просто страх, а животный ужас, что гитлеровцы могут его немедленно уничтожить согласно расовой теории нацизма. Григорий Моисеевич Гурвич был евреем. Активный нацистский каратель-еврей — случай

исключительный, из ряда вон выходящий! Недаром, когда во время суда над ним в советских газетах появились статьи, описывающие процесс, многие советские евреи откликнулись на них. Они требовали для Гурвича смертной казни через повешенье, а себя предлагали в качестве тех, кто готов лично совершить справедливое возмездие. Для них он стал «дважды предателем» — своей страны и своего народа. Но это все будет лишь в 1962 г.

Еще во время войны некоторые его сослуживцы догадывались, кто он на самом деле, поэтому, испытывая чисто животное желание выжить, Гурвич покупал это право за счет жизни других. Среди его жертв было и несколько бывших карателей, попытавшихся порвать со своей преступной деятельностью, перейдя на сторону партизан. Добровольный палач издевался, пытал и убивал стариков, женщин и даже малолетних детей.

Он назвался украинцем Григорием Матвеевичем Гуревичем и в батальоне говорил только по-украински, так как хорошо знал этот язык, проживая перед войной под Харьковом³. С демонстративным наслаждением брал на себя убийство «проклятых жидів». И не было никакой разницы, кто находится перед ним: девушка или дедушка.

Его смогли найти только через 16 лет после Победы. Сделать это было крайне нелегко. После выхода вышеупомянутого указа Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» многие граждане решили, что государство прекращает поиск карателей.

Те из пособников гитлеровцев, кто вышел на свободу после значительного сокращения сроков заключения, боялись, что при повторном рассмотрении их дел могут быть выявлены факты преступлений, не имеющих срока давности. Их родственники, знакомые и соседи также не стремились «ворошить прошлое», считая, что это косвенно может навредить и им самим.

Выявлению некоторых преступников мешали их изощренность и цинизм. Зачастую бывшие каратели выдавали себя за активных участников Великой Отечественной войны, «героев борьбы с проклятым фашизмом», требовали себе льгот и наград. Гуревич-Гурвич был из подобных деятелей. Его разоблачили те, кто являлся непосредственным очевидцем его кровавых злодеяний.

26 февраля 1962 г. Военный трибунал Ленинградского военного округа в открытом судебном заседании в расположении Дома культуры г. Новгорода рассмотрел дело по обвинению бывших военнослужащих Советской армии: Гурвича (Гуревича) Григория Моисеевича и Иванова Николая Ивановича в совершении преступлений, предусмотренных ст. 64 «а» УК РСФСР⁴.

В режиме реального времени его транслировали по громкой связи. На улице, в лютый февральский мороз, в темноте, стояли многие сотни людей. По воспоминаниям очевидцев, это была страшная картина.

Кроме приглашенных свидетелей (среди них были как жертвы карателей, так и их бывшие сослуживцы), в зале заседания присутствовали десятки жур-

налистов местных и центральных газет и журналов, а также из Ленинградской студии документальных фильмов.

Слово предоставляется подсудимому: «Я, Гурвич Григорий Моисеевич, родился в 1906 году в г. Краснограде Харьковской области, еврей по национальности, беспартийный, образование 4 класса, ранее судим не был. Происхожу из семьи кустика. До войны работал мастером по ремонту бытовых приборов в Марганцевском промкомбинате»⁵.

Объяснил Гуревич-Гурвич и путаницу, связанную с его фамилией: «Попал я в плен под городом Нарва. Правильная моя фамилия Гурвич, по отцу, а Гуревичем я называл себя с испугу, когда попал к немцам в 667 батальон, боясь, чтобы меня как еврея сразу не расстреляли.

После войны при возвращении в СССР носил фамилию Гурвич, по этой же фамилии получил паспорт и военный билет»⁶.

Его дальнейший рассказ вызывает очень много вопросов к службам, занимавшимся вопросами фильтрации. По отношению к бывшему карателю они проявили явную халатность: «После войны с 1945 по 1947 год я работал переводчиком в комендатуре г. Лейпцига. По возвращении в Советский Союз работал рабочим на производствах в разных городах. Последнее время до ареста работал начальником снабжения 223 поезда треста Гортрансстрой в Кировской области.

Арестовали меня 30 марта 1961 года»⁷.

На фоне своего подельника Николая Иванова Гурвич смотрелся как загнанный злобный хищник на фоне облезлого шакала. Сам Иванов рассказал следующее: «Гурвича я знаю с мая 1942 года. Немцы привели его к нам, и Рисс допрашивал Гурвича, после чего принял к себе в роту пулеметчиком. Рисс был тогда командиром роты. В карательных операциях Гурвич принимал участие наряду со всеми.

При наступлении партизан на д. Поревичи Гурвич вел огонь из пулемета по партизанам, чтобы спасти Рисса, который был в землянке. Немцы уже все были выбиты из деревни, и только Гурвич стрелял из пулемета. После этого случая Рисс стал возвышать и приближать к себе Гурвича. В этом бою Гурвич был ранен, но партизаны его почему-то не тронули, очевидно, думали, что он убит. Вернулся из госпиталя Гурвич здоровым, никаких повязок у него как будто не было, рука тоже не была перевязана»⁸.

В показаниях Гурвича много лакун. Понятно, что преступник многое скрывает. Он готов спорить с каждым свидетелем. В том же случае, когда очевидцев нет, его рассказ крайне лаконичен. Вот так описывает он пребывание в немецком плену в самое страшное время для советских военнопленных — осенью и зимой 1941–1942 гг.: «В августе 1941 года при попытке выхода из окружения в Эстонии я попал в плен к немцам. Это было примерно 28–29 августа.

Вместе с другими военнопленными меня поместили на ночь в деревенский сарай, откуда мы той же ночью сбежали.

После двухдневных хождений и попыток вновь выйти из окружения снова попали в плен к немцам в г. Пскове.

В плену я находился с 1941 года по май 1942 года»⁹.

И это описание 9 месяцев!

Человек ярко выраженной семитской внешности, обрезанный, регулярно совершающий побег из лагерей — его должны были убить еще в первые минуты нахождения в плену! Однако этого не произошло. Напротив, все его русские товарищи расстреляны, а он получает новое обмундирование и тяжелое стрелковое оружие после единственного допроса: «В мае 1942 года мы опять сбежали из лагеря военнопленных в Дедовичский район и у д. Костры снова попали к немцам.

На рассвете, когда мы с товарищем подходили к деревне, меня вдруг ударили прикладом по голове, а товарища здесь же застрелили. Немцы приняли нас за партизан. Меня посадили в бункер и продержали в нем три дня, после чего отвели к Риссу на допрос. Рисс в то время был переводчиком и командиром роты карательного батальона.

На третий день после допроса меня зачислили в батальон, дали “лакейские” штаны, немецкую пилотку, джемпер, и я стал партизан-егерем 667 карательного батальона. Меня перевезли в деревню Дегжо и назначили вторым номером пулеметчика, после того как я сказал, что знаю пулемет Дегтярева»¹⁰.

Гурвич пытался убедить суд, что его батальон занимался исключительно охранительными функциями: «В задачи батальона входило не допускать соединения отрядов партизан, охранять от них дороги, пресекать возможность получения партизанами продовольствия у населения, он должен был выявлять связь местных жителей с партизанами, ведение борьбы с ними и др.»¹¹

Сам же он больше лечился в госпиталях, чем воевал: «В батальоне служил с июня 1942 года по август 1942 года, до ранения, затем после выздоровления снова возвратился в батальон и служил до октября 1943 года, пока батальон находился на территории Светского Союза.

В конце 1943 года в составе батальона выехал в Данию, где находился до конца 1944 года»¹².

Особой карьеры не сделал: «До декабря 1942 года я служил в батальоне солдатом, в декабре 1942 года мне немецким командованием было присвоено воинское звание фельдфебеля немецкой армии. С февраля месяца до погрузки в эшелоны в г. Порхов был помощником командира взвода во 2-й роте»¹³.

Больших льгот якобы не получал: «Денежное содержание мне платили как фельдфебелю немецкой армии.

Я имел следующие награды от немецкого командования: бронзовую медаль за ранение, отличительный знак за ранение, а штурмового значка я не имел»¹⁴.

Здесь его слова в очередной раз идут вразрез с показаниями свидетелей. Владимир Иванович Приказчиков, 1915 г. р., уроженец г. Новая Ладога Ленинградской области, в 667-м «восточном батальоне» немецкой армии служил с марта

1942 по апрель 1945 г. 6 марта 1961 г. он написал объяснение в Новгородское управление КГБ: «Гуревич имел много наград, в частности железный крест, серебряная медаль с мечами, восточная медаль за кампанию 1941–1942 гг., штурмовой значок, медаль за ранение»¹⁵.

Здесь хотелось бы подробнее остановиться на статуте медали «Зимнее сражение на Востоке 1941/42» (она же «Восточная медаль», она же «Мороженое мясо»). Ею награждались участники сражений на советско-германском фронте зимой 1941–1942 гг. с 15 ноября 1941 по 15 апреля 1942 г. Требовалось проявить «стойкость в боях в течение 60 дней» или получить ранение. Кроме немецких солдат, ее вручали союзникам гитлеровцев и «восточным добровольцам». Эта награда Гуревича наводит на мысль о том, чем он занимался в течение 9 месяцев 1941–1942 года, которые он якобы провел в лагере военнопленных.

По словам Григория Гуревича, его даже можно пожалеть: в батальоне ему отводили роль снабженца, а при первой возможности он оттуда сбежал: «В конце 1943 года в составе батальона я уехал в Данию и был старшиной батальона, поэтому я занимался изготовлением самогона для командования батальона.

В составе батальона из Дании выехал в Германию. В Гамбурге, незадолго до окончания войны, выбрав удобный момент, я из батальона бежал, переоделся в гражданское платье и выдал себя за военнопленного. До мая 1945 года находился в разных лагерях городов Германии»¹⁶.

А далее вновь возникает вопрос к качеству работы сотрудников, занимавшихся вопросами фильтрации: «В мае 1945 года американцы передали меня советскому командованию в г. Лейпциге.

Государственную проверку я проходил в г. Лейпциге, о своей службе в карательном батальоне скрыл, выдав себя за военнопленного. Мне выдали соответствующие документы, и так как я владел немецким языком, назначили в комендатуру г. Лейпцига переводчиком. В этой должности я работал до лета 1947 года.

В Советский Союз я возвратился в конце 1947 года»¹⁷.

Григория Гуревича не волнует, что десятки свидетелей подтвердили многочисленные факты его преступлений. Его задача убедить суд в том, что он — простой свидетель злодеяний, совершенных его сослуживцами. Причем лишь волей случая он не стал советским партизаном: «В расстрелах советских граждан и партизан участие принимал. С моим участием были расстреляны четыре человека, или больше — хорошо не помню, и отказываться не буду от тех деяний, которые совершил.

Я был ранен в деревне Поревичи во время боя с партизанами. Стрелял я тогда из пулемета, не знаю, в кого, так как была ночь, и ничего было не видно.

Когда дали сигнал отхода, я перебрался в землянку Рисса, которая была разрушена, с пулеметом, и, как я сказал выше, стал из него вести огонь неизвестно по кому. В землянке я увидел раненную любовницу Рисса, которая сказала, что здесь уже никого нет.

Я хотел этот момент использовать для перехода к партизанам. Вскоре я увидел четырех партизан, один из которых меня ранил. Из госпиталя я возвратился в начале декабря 1942 года»¹⁸.

По поводу убийства мирных жителей деревень Бычково и Починок он заявил следующее: «В операции на реке Полисть я участия не принимал. В это время я еще был болен после ранения и находился в это время в роте в д. Алексино с другими карателями (примерно человек 40), среди которых было человек 10–12 немцев. Об этой операции и массовых расстрелах на реке Полисть я узнал из рассказов других лиц только в феврале 1943 года»¹⁹.

С каким-то садистским упоением Гурвич рассказывает о пытках. Особенно когда там фигурируют половые органы: «В деревне Вышегород летом 1943 года был случай, когда мы утром с Проклиенко²⁰ пришли в дом к Риссу из разведки и увидели лежащего на полу избитого мужчину, с которого были сняты брюки. В комнате сидели Рисс и фельдфебель Кох. Рисс сказал мне: “А ну, сыграйте ему лезгинку!”

По приказу Рисса я принес прутья, а Проклиенко подвязал брючным ремнем половой член этого человека и дал мне ремень держать. Я держал ремень, привязанный за половой член этого мужчины, а другие стали его хлестать прутьями по члену»²¹.

Но после этого страшного, отвратительного рассказа Гурвич вдруг начинает жаловаться на амнезию, упирая на то, что после войны он вел себя как честный советский человек: «До 1955 года в моей памяти как бы наступил провал. Я стал забывать свое прошлое. А после амнистии в памяти стали возникать полузабытые факты из службы в этом батальоне. Вот я и понял, что своим трудом смогу оправдать себя»²².

Среди свидетелей особое место занимали бывшие сослуживцы карателей, сидевших на скамье подсудимых. Им, в отличие от Гурвича и Иванова, сильно повезло. Хотя их и арестовали после войны и даже осудили на 15–25 лет лишения свободы, в 1955 г. они попали под амнистию. Следовательно, на самом деле они находились в заключении 5–10 лет.

Зачастую они продолжали жить и работать там, где ранее отбывали наказание. Одним из них был Григорий Меркулов. В Новгород его вызвали из Воркуты. Он рассказал следующее: «В районе д. Починок Гуревич был вместе с нами. Мы стреляли по деревне, и Гурвич тоже стрелял. Несколько позже я видел, как Гурвич и Иванов сгоняли жителей в одно место. Наша рота вскоре ушла. А Гурвич и Иванов остались и возвратились в роту только к вечеру. После того как мы ушли от места сбора людей километра на полтора, мы услышали стрельбу из пулеметов и автоматов.

Вместе с Гурвичем я ходил в разведку переодетым. Мы с Гурвичем переодевались для провокации населения. Гурвич, как правило, возглавлял разведку. Во время таких разведок Гурвич арестовывал и допрашивал людей, об этом знали все, да и он сам хвастался, что допрошенные им будут долго помнить.

Однажды арестовали двух девушек, их доставили в штаб для допроса. Допрашивал их Гурвич. Дня через 3–4 пошел разговор о том, что Гурвич этих девушек расстрелял»²³.

Бывший каратель Иван Эйн служил с Гурвичем с первого дня его пребывания в батальоне «Шелонь». Он подробно описал несколько случаев из послужного списка убийцы: «Помню хорошо случай, когда один из солдат-карателей, не желая служить, прострелил себе ногу или руку, и над ним был создан суд из наиболее активных карателей. Приговорили его к расстрелу. Командир 2-й роты Рисс объявил перед строем: “Кто желает привести этот приговор в исполнение”.

Из строя вышел Гурвич и добровольно расстрелял приговоренного солдата с расстояния метров 10, желая этим поступком доказать свою преданность немцам»²⁴.

Григорий Моисеевич Гурвич внес свой вклад и в нацистское «окончательное решение еврейского вопроса»: «В д. Алексино зимой 1942–1943 гг. однажды привели двух партизан и девушку-еврейку, которая была одета в синее пальто. После допроса у Рисса этих людей расстреляли. Лично я не видел, кто расстрелял, но Проклиенко, который выдавал мне сапоги из овощехранилища, рассказывал мне о том, что этих двух мужчин и девушку расстрелял Гурвич. Синее зимнее пальто, в которое была одета девушка, лежало в овощехранилище»²⁵.

Сам командир Рисс (правда, в шутливой форме) осуждал Гурвича за излишнюю жестокость и нежелание следовать традициям палачей: «Среди солдат как-то Рисс рассказывал о том, как Гурвич в деревне Заречье расстреливал одного мужчину — три раза у него была осечка, и только четвертым выстрелом Гурвич застрелил этого мужчину.

Рисс еще осуждал Гурвича за это, т[ак] к[ак] по существующему поверью после первой же осечки мужчину следовало бы отпустить, а не стрелять в него снова»²⁶.

Москвич Павел Алексашкин, 1906 г. р., успел до войны получить высшее образование. За участие в карательных акциях против партизан и мирного населения в 1947 г. получил 20 лет лагерей. Вышел на свободу в 1955 г. В Новгород его вызвали из г. Минусинска Красноярского края. Там он трудился на заводе в должности инженера производственного отдела: «Гуревич очень хорошо владел немецким языком. Больше всего Рисс доверял производить расстрелы Проклиенко, Иванову и Гуревичу, как доверенным лицам. Кроме них расстрелами занимались командиры взводов»²⁷.

Сослуживца Гурвича Владимира Сергеева, 1922 г. р., уроженца г. Дно Псковской области, вызвали в суд в качестве свидетеля. Он один из немногих карателей, кто свой срок отбыл полностью — 10 лет по ст. 58–1 «а». В 1962 г. трудился в Коми ССР, в г. Инта, машинистом на комбинате «Интуголь». Он рассказал, что «Гурвич руководил сожжением деревни Поревичи и сам с факелом в руке торопил меня быстрее сжигать, чтобы был обзор.

Гурвич был очень жестоким человеком не только к нам, но особенно к мирному населению. Стараясь выслужиться, он и в моем присутствии неоднократно допрашивал и избивал мирных жителей»²⁸.

Из дальнейшего поведения Григория Гурвича становится понятно, почему многие из его сослуживцев опасались давать на него показания. Внимательно выслушав бывшего карателя, он заявил: «Вопросов к свидетелю нет, но в дополнение к его показаниям хочу сказать, что в 1943 году при возвращении в д. Кривицы Сергеев вместе со мной и другими карателями расстреляли партизана»²⁹.

Сулейман Юнисов, 1912 г. р., бывший каратель. Он был осужден на 25 лет. Его также освободили по амнистии. В 1962 г. проживал в г. Соликамске Пермской области, работал плотником на Соликамском комбинате. Во время допросов этот недостойный сын татарского народа всячески подчеркивал, что является запойным алкоголиком: «Батальон стоял в д. Зимники осенью 1943 года, когда мы во главе с Гуревичем в д. Ольховка арестовали женщину, девочку и девушку. Девочке было лет 5–6. Всего как будто арестовали человека четыре»³⁰.

По существу дела свидетель Юнисов далее показал: «В каком звании был тогда Гуревич, я не знаю. Он выносил имущество, грузил его на подводы и выводил женщин из дома. Я был в то время пьян. А когда мы стали возвращаться из Ольховки, то еще сильнее опьянел. Гуревич по дороге у меня забрал винтовку, за что — не знаю.

По пути в Зимники этих женщин Гуревич и другие каратели расстреляли в кустах, и кто были эти женщины, я не знаю»³¹.

На вопросы прокурора свидетель Юнисов ответил: «Я помню, что был пьян. Сколько женщин было тогда арестовано в Ольховке, сейчас точно не помню. Оружие у меня отобрали потому, что я был очень пьян. Девочку 5–6 лет, которая металась со стороны в сторону, застрелил Гуревич. Об этом тогда все говорили»³².

Григорий Гуревич самый страшный факт — убийство ребенка, отрицать не стал. Однако попробовал дать ему объяснение: «Имущество сложили на подводы, скот привязали к подводам, а арестованные шли пешком. Я шел впереди подводы, когда услышал стрельбу позади себя. Я возвратился назад, чтобы узнать, в чем там дело. Юнисов тогда был пьян, но оружия у него я не отбирал.

Девочка была ранена и металась. Я ее пристрелил, чтобы она не мучилась»³³.

Гитлеровская пропаганда утверждала, что немцы и их союзники сражаются с безбожной богоборческой советской властью. На Северо-Западе России под контролем гитлеровских спецслужб активно действовала Псковская православная миссия. Но для карателей ничего святого не было.

Константин Захаревич, 1916 г. р., после амнистии проживал в Пермской области и работал шофером комбината «Кизилковский» в г. Губахе. Из его показаний: «В д. Вышегороде под осень 1943 года были арестованы карателями две девушки, которых посадили в подвал вместе с другими арестованными. Однажды Гурвич приказал мне конвоировать этих девушек на гору к церкви. Там уже

стоял Проклиенко. По дороге одна из девушек жаловалась Гурвичу на то, что ее раздевали, на что Гурвич ответил, что это был осмотр врача.

По приходе на место, к церкви, Гурвич приказал нам идти в роту, а сам с Проклиенко повел девушек в церковь. Впоследствии мы слышали о том, что этих девушек Гурвич и Проклиенко изнасиловали в церкви, а затем расстреляли»³⁴.

На допросах многие бывшие каратели, включая и Захаревича, всячески подчёркивали, что стали жертвой обстоятельств. Что их можно если не простить, то хотя бы понять. Но все они утверждали одно: «Гурвич был выдающимся лицом на расстрелах, допросах и избиениях. При разговорах простых солдат он считался самым лютым карателем»³⁵.

В течение всего процесса Николай Иванов казался бледной тенью своего подельника. У него еще была небольшая надежда, что его не расстреляют. Однако 1 марта 1962 г. государственный обвинитель полковник юстиции И. П. Лебедев в своей речи объединил их обоих: «Предъявленные обвинения Григорию Гурвичу (Гуревичу) и Николаю Иванову в совершении ими преступлений, предусмотренных ст. 64 п. “а” УК РСФСР, выразившихся в их личном участии в массовых расстрелах, истязаниях советских граждан, а также провокациях мирного населения, считаю как на предварительном, так и на судебном следствии доказанными.

Их преступные действия квалифицированы по ст. 64 п. “а” УК РСФСР правильно.

С учетом всех обстоятельств по делу, тяжести совершенных преступлений и личностей подсудимых, прошу суд вынести подсудимым Гурвичу (Гуревичу) и Иванову исключительную меру наказания — смертную казнь»³⁶.

Гуревич попытался выставить себя не преступником, а лишь соучастником преступлений: «По существу представленного мне обвинения я не отрицаю участия в расстрелах.

Не признаю себя виновным в избиениях и истязаниях советских граждан. Я готов нести ответственность и наказание, которое я заслужил только за свои преступления. Но я не хочу нести ответственность за всех других»³⁷.

Он категорически отрицал свое участие в самом страшном преступлении «шелонцев» — убийстве жителей деревень Бычково и Починок.

Пожалуй, следующее заявление, сделанное Григорием Гуревичем, полностью соответствует истине. Он действительно прожил после 1941 г. двадцать лет: «Да, я изменил Родине, но измена произошла при тяжело сложившихся для меня обстоятельствах. Если бы я не принял условия немецкого командования, меня бы они расстреляли еще 19 лет тому назад. А тем, что я добровольно пошел к ним на службу, а затем скрыл свои преступления от органов советской власти, я выиграл 19 лет жизни»³⁸.

В конце своего последнего слова каратель-убийца Г. М. Гуревич попросил для себя «справедливости»: «Я прошу Вашей справедливой кары за то, что я совершил, а не за то, что мне приписывают и чего не было на самом деле»³⁹.

На следующий день, 2 марта 1962 г. в 13:30 суд возвратился из совещательной комнаты. Был оглашен смертный приговор. Оба карателя приговаривались к расстрелу. В зале и на улице началась по этому поводу бурная овация. Иванов явно такого не ожидал. Гуревич-Гурвич отнесся к приговору достаточно спокойно.

Как уже было отмечено в этой статье, генерал-майор КГБ Василий Богов говорил о том, что применение смертной казни к ценным свидетелям военных преступлений гитлеровцев и их пособников считает неправильным.

С точки зрения профессионала в этом есть своя логика. Но нетрудно представить реакцию свидетелей суда над Ивановым и Гуревичем-Гурвичем, если бы эти убийцы и садисты получили иное наказание.

Дальнейший розыск карателей из батальона «Шелонь» продолжался до 1991 г., когда все розыскные дела были окончательно сданы в архив.

¹ *Петров М. Н.* Тайная война на новгородской земле. Великий Новгород, 2005. С. 595.

² Архив Управления ФСБ по Новгородской области (далее — АУ ФСБ по НО). Д. 1/13364. Т. 12. Л. 240.

³ *Петров М. Н.* Тайная война на новгородской земле. С. 598.

⁴ АУ ФСБ по НО. Д. 7/56. Т. 5. Л. 100.

⁵ АУ ФСБ по НО. Д. 50508. Т. 5. Л. 100.

⁶ Там же. Л. 101.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 103.

⁹ Там же. Л. 108.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 108–109.

¹² Там же. Л. 109.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ АУ ФСБ по НО. Д. 7/56. Т. 5. Л. 77 об.

¹⁶ Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — АУ ФСБ по СПб и ЛО). Д. 50508. Т. 5. Л. 101.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 110.

¹⁹ Там же.

²⁰ Проклиенко Федор Яковлевич (1910 г. р.), уроженец города Сумы (Украина). Бывший военнослужащий Красной армии. Унтер-офицер 667-го батальона «Шелонь». Неоднократно был награжден германским командованием. После войны получил канадское гражданство. Проживал в городе Бимсвилле (провинция Онтарио, Канада). Работал на железной дороге. Наказания избежал.

²¹ АУ ФСБ по СПб и ЛО. Д. 50508. Т. 5. Л. 112.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 116–117.

²⁴ Там же. Л. 118.

²⁵ Там же. Л. 19.

- ²⁶ Там же.
²⁷ Там же. Л. 121.
²⁸ Там же. Л. 128–129.
²⁹ Там же. Л. 129.
³⁰ Там же. Л. 131.
³¹ Там же. Л. 132.
³² Там же.
³³ Там же.
³⁴ Там же. Л. 134.
³⁵ Там же.
³⁶ Там же. Л. 185.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же.

References

PETROV M.N. *Tainaia voina na novgorodskoi zemle* [Secret war in the territory of Novgorod. In Russ.]. Veliky Novgorod, 2005.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Б. Н. Ковалев. Убийцы об убийцах: показания бывших карателей против своих сослуживцев (на примере дела Г. М. Гуревича-Гурвича) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 150–162

Аннотация: Кровавый след на ленинградской земле оставили каратели-коллаборационисты из 667-го батальона «Шелонь». Советские органы государственной безопасности занимались розыском военных преступников вплоть до 1991 г. К сожалению, очень многие из них смогли после окончания Великой Отечественной войны легализоваться на Западе: в США, Великобритании, Австралии, Канаде и ФРГ. Но некоторые бывшие каратели, вернувшиеся на территорию СССР, были привлечены к уголовной ответственности. С 1947 по 1950 г. в Советском Союзе была отменена смертная казнь. В 1955 г. объявлена амнистия. Сроки заключения для коллаборационистов сокращались в два-три раза. После освобождения эти лица в 1960–1980-е гг. привлекались в качестве свидетелей преступлений их бывших сослуживцев. Один из наиболее известных судов состоялся в Новгороде в 1962 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные преступления, батальон «Шелонь», коллаборационизм, уголовный процесс, Г. М. Гуревич-Гурвич.

FOR CITATION

B. N. Kovalev. Killers about killers: testimony of former punishers against their associates (the case of G. M. Gurevich-Gurvich) // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 150–162

Abstract: The 667th Shelon Battalion, comprising individuals who had collaborated with the Nazi regime, left a trail of violence and destruction in the vicinity of Leningrad. The Soviet state security agencies continued their search for war criminals until 1991. It is regrettable that, following the conclusion of the Second World War, a considerable number of these individuals were able to regularise their immigration status in a number

of Western countries, including the USA, the UK, Australia, Canada and West Germany. However, some former punishers who returned to the USSR were subsequently held to account for their actions. From 1947 to 1950, the death penalty was abolished in the Soviet Union. In 1955, an amnesty was proclaimed. The sentences handed down to those who had collaborated were reduced by a factor of two or three. Following their release from incarceration between the 1960s and 1980s, these individuals provided testimony as witnesses to the crimes of their former associates. One of the most notable trials occurred in Novgorod in 1962.

Key words: Great Patriotic War, war crimes, the Shelon battalion, collaborationists, criminal proceedings, G. M. Gurevich-Gurvich.

Автор: **Ковалев, Борис Николаевич** — д.и.н., проф., ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Kovalev, Boris Nikolaevich** — Dr. of Sciences in History, Professor, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: bnikov@mail.ru